

II. ДОПРОС ОГАРЕВА 24 СЕНТЯБРЯ 1834 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ПИСЬМО А. К. ЛАХТИНА К ОГАРЕВУ

Публикация Е. Л. Рудницкой

«Высочайше учрежденная Следственная комиссия», созданная по докладу Бенкендорфа 21 июля 1834 г. для ведения дела «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи», 9 августа приняла дела от комиссии, действовавшей в Москве под председательством обер-полицейстера Цынского.

Новая комиссия под председательством попечителя Московского учебного округа кн. С. М. Голицына продолжала следствие в направлении, которое было заранее определено начальником московского округа жандармов полковником Шубинским. Целью этого следствия было раскрытие предполагаемого тайного политического общества. Однако ни первая, ни вторая комиссия не располагали никакими данными, доказывающими существование такого общества. Недовольство ходом ведения дела, высказанное Николаем при его посещении Москвы в сентябре 1834 г., вызвало активизацию следствия: дополнительные расследования и допросы, в их числе новый допрос Огарева — 24 сентября. Это был его третий допрос с начала следствия. Выше опубликован первый допрос Огарева — в комиссии под председательством Цынского в июле 1834 г. Второй допрос — в комиссии под председательством кн. С. М. Голицына — был 20 августа (опубликован по писарской копии — XII, 335—342). На основании этих допросов комиссия в предварительной записке о результате расследования характеризовала Огарева, как «упорного и скрытного фанатика» (XII, 335). Уже первый вопрос, предложенный ему 24 сентября, свидетельствовал о недовольствии следствия Огаревым и о том нажиме, который был на него в этой связи оказан. «В ответах, доселе данных вами на предложенные вопросы, не было изъявлено вами чистосердечного признания, ни раскаяния в проступках, которые обнаружены уже перед правительством. Почему предлагается вам вновь представить самое справедливое объяснение, как в образе мыслей ваших, так равно в связях с людьми, подобно вам мыслящим, и о цели, какая предположена».

Огареву в Следственной комиссии были предъявлены два основных пункта обвинения: пение «пасквильных стихов» и знакомство с лицами, певшими эти «стихи», и недозволенный образ мышления, который был обнаружен в его переписке.

Однако Огарев в течение всего следствия категорически отрицал свое участие в пении «пасквильных стихов». 1 ноября 1834 г. на очной ставке Огарева с провокатором Скареткой, который выдвинул против него это обвинение, Скаретка вынужден был свое обвинение снять. Что же касается самих стихов, то на допросе в первой Следственной комиссии Огарев сознался, что слышал их от поэта В. Соколовского, одного из главных обвиняемых по этому делу. Огарев ошибочно полагал, что именно Соколовский его и выдал (см. предыдущую публикацию и указанную публикацию Лемке). Узнав о своей ошибке, Огарев на допросе 24 сентября снял свое первоначальное наказание и оставил открытым вопрос, от кого он слышал антиправительственные песни.

Основное внимание следствия в отношении Огарева было направлено на расследование его «образа мыслей». Допрос Огарева 24 сентября состоял в основном в требовании объяснить содержание его переписки, взятой при аресте его самого и Герцена.

Темы, которые были затронуты в письмах Герцена и Огарева, а также в письме Лахтина к Огареву, привлечших особое внимание Следственной комиссии, входили в круг основных идейных интересов, которыми жил юношеский кружок Герцена — Огарева. Проблема движущих сил исторического развития и проблема гармонического общественного устройства находились в центре этих интересов. Справедливо считая себя продолжателями дела декабристов и осмысливая их исторический опыт, Герцен, Огарев и ближайшие их друзья ставили перед собой вопрос: «Почему русское дворянство в отличие от западноевропейского революционно?». Одной из попыток дать на него ответ была работа Огарева над статьей «О перехождении в дворянское сословие»,

о которой он сообщал Герцену в письме от 3 сентября 1832 г., привлечшем внимание Следственной комиссии.

На допросе 24 сентября Огарев пытался внушить Следственной комиссии, что замысел его статьи на историческую тему возник как бы случайно, и отказался отвечать на вопросы, связанные со статьей. В действительности же Огарев систематически работал над историко-философскими темами. Так, в 1831 г., впервые выступив в печати, Огарев поместил в «Телескопе» перевод из философии истории Ф. Шлегеля; через год в том же журнале был напечатан его перевод предисловия Кузена к «Истории философии» Тенемана. Среди бумаг Огарева, взятых при аресте, были рукописи нескольких его статей и неоконченных набросков, которые Следственная комиссия квалифицировала как «переписку в конституционном духе».

К числу этих бумаг относился «План системы в изучении политических наук», а также тезисы пробной студенческой лекции, посвященной классификации наук. Несмотря на академический характер тезисов и идеализм исходных предпосылок, в этих работах отразилось стремление Огарева к осмыслению и обобщению многообразия человеческого знания, к выработке единого принципа познания, к единству умозрения и эмпирического метода. В этом последнем отношении названные рукописи Огарева, так же как и отрывок «Первый предмет, представляющийся нашему сознанию...», могут быть сопоставлены с первыми философскими работами Герцена: «О месте человека в природе» и «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника». Огареву принадлежат и находившаяся в его бумагах при аресте неоконченная критическая заметка по поводу статьи в «Телескопе», автор которой с крайне реакционных позиций оценивал результаты французской революции для европейской цивилизации (заметка ошибочно опубликована в № 3 «Литературного архива» — 1951 г. — как варианта статьи Герцена «Развитие человечества, как и одного человека...»).

В руки жандармов при аресте Огарева попал рукописный набросок мыслей об идеальной общественной организации будущего. Этот небольшой текст написан рукой Огарева на немецком языке. Скорее всего это выписка из какого-то сочинения иностранного автора, утопического социалиста. Но не исключена возможность, что автором этих строк является сам Огарев, с какой-то целью прибегнувший для изложения своих мыслей к немецкому языку. Однако доказать авторство Огарева затруднительно. Но и в том случае, если перед нами всего лишь выписка, она интересна для характеристики идейных исканий Огарева тех лет. Приводим текст незаконченного отрывка полностью в русском переводе:

«Европа требует новой жизни; век всеразрушающего анализа пал. Но в чем должна состоять новая жизнь? В новой организации всего мира. В чем же должна состоять эта организация, на какой основе она должна развиваться? Вот в чем вопрос.

Человечеству должна открываться новая великая идея, эта идея должна стать его верой, без которой оно впадет в гибельное состояние скептицизма и даже в отчаяние. Итак, вера, вера в живительную идею, которая одна только может спасти человечество. Но где же следует искать сущности этой веры? Там, где небо сливается с землей, где небо открывает себя земле, где божество говорит с человеком. Следовательно, этой новой верой должна быть религия. Но что такое религия? Она всегда была чем-то сверхъестественным, таинственным, являющимся только под покровом; должна ли она и теперь явиться в том же виде? Нет — верой современного человечества должна быть связующая идея, которая, будучи всеми понятой, поведет людей к их истинной цели и».

Занятия Огарева философией истории носили в эти годы систематический характер. Они являлись частью общей работы по философии, социологии, истории, праву и политической экономии, которая велась в кружке в 1833—1834 гг. В феврале 1834 г. Герцен уже разработал план журнала, сотрудниками которого должны были стать основные участники кружка.

Литературные интересы и «специализация» будущих авторов определили их участие в разных отделах журнала. Огарев должен был писать статьи для отделов «философия истории» и «теория литературы». Другим специалистом по истории считался университетский товарищ Огарева, Алексей Кузьмич *Лахтин* (1808—1838). Сын московского купца, Лахтин в 1828 г. окончил словесное отделение Московского уни-

верситета, но после этого стал слушать лекции на физико-математическом факультете. Знакомство с ним Герцена и Огарева — первая завязь их студенческого кружка. По своим служебным обязанностям и семейному положению (Лахтин служил в Московском главном архиве Министерства иностранных дел в должности старшего переводчика, был женат и в 1834 г. имел уже двоих детей) он не мог быть таким деятельным участником герценовского кружка, как остальные его основные участники. Но он жил научными и теоретическими интересами кружка. Отличаясь, как писал Огарев, «ученым трудолюбием», Лахтин приступил в 1833 г. вместе с Герценом к осуществлению широкой программы самообразования. Он и Герцен должны были быть авторами оригинальных «исторических отрывков» и, кроме того, Лахтин должен был стать постоянным участником «статистического отделения» исторической части журнала.

Летом 1833 г. между Лахтиным и Огаревым, жившим тогда в деревне, завязалась «сложная переписка о философии истории». Однако переписка не удовлетворяла Огарева: «Несколько писем — это слишком тесная рамка; мне хочется лучше и пространнее изложить то, что думаю об этом предмете, и если друзья мои одобряют, стану печатать» (письмо Огарева к Герцену от 29—30 июля 1833 г.— «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 716). Из этой переписки до нас дошло письмо Лахтина к Огареву от 28 июня 1834 г. Мы печатаем документ в приложении к настоящей публикации. Письмо Лахтина к Огареву прямо перекликается со статьей Герцена 1833 г. «Двадцать осьмое января». Закономерность исторического процесса, роль личности в истории, «среднее состояние», сопоставление «общего» и «своеобразного» в истории России и в истории стран Западной Европы — таков круг вопросов, над которыми работал Лахтин. Письмо Лахтина свидетельствует о широте постановки исторических проблем в юношеском кружке Герцена и Огарева. В этом письме содержится попытка обосновать исторически «революционность» русского дворянства, как ее ошибочно тогда понимали в кружке. Лахтин полагал, что русское дворянство, в отличие от западноевропейского, не сложилось в аристократию в европейском смысле, так как оно составилось из выходцев разных сословий в ходе централизации Русского государства; русское дворянство, по выражению Лахтина, — *ragueni*, поэтому оно не образует аристократической оппозиции верховной власти, а носит в себе элементы революционности. Таким образом, становится понятным содержание, которое вкладывал Огарев в понятие «перехождение», вводя этот термин в заглавие своей юношеской работы на историческую тему «О перехождении в дворянское состояние».

Идеализация русского дворянства неизбежно приходила в столкновение с утверждавшимся в кружке представлением о народе как решающей силе исторического процесса и будущего общественного переворота. Не случайно, что среди творений Шиллера Огарева начинают привлекать теперь не герои-одиночки раннего Шиллера — борцы против деспотизма Карл Моор и маркиз Поза, а такое зрелое произведение, как «Вильгельм Телль», проникнутое идеей народного суверенитета. Именно на него обращает Огарев внимание Герцена в той части письма к нему от 29—30 июля 1833 г., которое по этой причине стало в Следственной комиссии документом обвинения против Огарева.

Протокол допроса Огарева печатается полностью. Опускается лишь его заверительная подпись, имеющаяся *под каждым* ответом: «К сему показанию Главного московского архива Министерства иностранных дел студент Николай Огарев руку приложил».

ЦГИАМ, ф. № 91, оп. 1, ед. хр. 85, лл. 296—310.

¹ Комментарий к письмам Огарева к Герцену, отрывки из которых цитируются в публикуемых вопросах пунктах Следственной комиссии, см. в «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 703—718.

² Письмо Огарева к Герцену от 29—30 июля 1833 г. См. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 715—717.

³ Письмо Огарева к Герцену от 3—4 сентября 1832 г. См. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 706—710.

⁴ Письмо Огарева к Герцену от 10 июля 1833 г. Опубликовано в «Голосе минувшего», 1919, № 1—4, стр. 68—69.

ДОПРОС ОГАРЕВА

24 сентября 1834 г.

Вопросы

1. В ответах, доселе данных вами на предложенные вопросы, не было изъявлено вами ни чистосердечного признания, ни раскаяния в таких поступках, которые обнаружены уже пред правительством. Почему предлагается вам вновь представить самое справедливое объяснение, как в образе мыслей ваших, так равно о связях с людьми, подобно вам мыслящими, и о цели, какая предположена.

2. Знакомясь с молодыми людьми, вы позволяли себе даже петь в присутствии их оскорбительные для высочайшей особы стихи. С каким намерением вы это делали?

3. Кем писано оказываемое вам при сем письмо? С тем вместе дайте изъяснение на содержащиеся в нем слова: «Отчего материальное развитие (внешнее) России предшествовало ее духовному развитию; отчего не проявились в ней те стихии, которые проявились в других государствах Европы, тогда как самобытность ее утверждалась на основаниях, общих всем новейшим государствам; отчего завоеванная древне-норманская система не породила

Ответы

1. Какие поступки мои обнаружены пред правительством, я не знаю, ибо не помню за собой никаких поступков, противных правительству. Если здесь разумеется то, что я слышал песню от г. Соколовского, то я сие показывал, только припоминая слышанное от г. Оболенского, и даже теперь не уверен в том, справедливо ли я показывал, что слышал песню от г. Соколовского. Мне только помнилось, что я когда-то оную песню слышал; от Киндякова и Скаретки, с которыми я не так давно бывал довольно часто вместе, очень помню, что никогда не слышал. Посему я, полагая, что Соколовский меня обвинил, уверился, что я слышал от него. Сам же я никогда подобных песней не певал и никогда бы не осмелился одного сделать. Если же в том я виноват, что слышал и не донес, то сего я не сделал потому, что не почитаю Соколовского вредным для правительства. В ветреном же поведении моем, которое есть одна вина моя в сем случае, вполне раскаиваюсь. Образ же моих мыслей из прежних показаний моих известен. Я думаю, что его разделяет г. Герцен; более я ни с кем о подобных предметах не говорил. Цель же была одна — умствовать (philosophie:).

2. Я нигде сего не делал и если кто-нибудь сие на меня показывает, то сие весьма ложно, и я готов убедить моего обвинителя на очной ставке, что он показывает ложно.

3. Письмо сие писано сослуживцем моим Лахтиным. Он изъясняет здесь, что сила России, приобретенная присоединениями к ней разных земель, прежде развилась, нежели внутреннее народное образование. Дворянство в государствах европейских составилось, по разысканиям новейших историков (Тьери и другие), таким образом, что народ-завоеватель сделался классом высшим, дворянством, а народ завоеванный составил низкий класс. Так, лорды английские суть потомки

В. И. СОКОЛОВСКИЙ

Гравюра, помещенная в 3-м издании
стихотворений поэта, 1867 г.

у нас оппозиции, не образовала класса дворянства в смысле европейском («наше собственное нынешнее дворянство есть порождение централизации России, остаток уделизма, выходство, *parvenu**»). Далее в сем же письме сказано: «Отчего направление нашего века есть направление историческое, отчего после форм сказочной, ораторской, критической, политической, философской она (история) принимает теперь форму народную (*populaire*), смотрит на массы народа, а не на отдельные лица, на движение ее, ищет в ней одной ко всему пружины?»

4. В письме от 26 августа между прочим писали вы к Герцену: «Что все труды мои, почти, проведенные в мечтах, что вся эта поэзия души, когда одно происшествие остановило полет мысли и принесло с собою сомнения и горести; над кем, бишь, в древности висел меч на волоске, между тем как утопал в наслажде-

норманов, а народ — потомки англосаксов. У нас же разбор сей исторической задачи затруднительнее, происхождения темнее; посему Лахтин делает предположение, что наше дворянство не составилось (ли) через то, что, по мере присоединения уделов к великому княжеству, удельные князья переходили в сословие дворян. Под народною формою истории Лахтин разумеет то, что историки стали обращать внимание не на лица предводителей народных, князей, но на самые массы народа, и в самой их характеристике стали находить их движения, переселения, завоевания и прочее.

4. Это, помнится мне, известие о том, что я нахожусь под надзором полиции, известие, сообщенное мне соседкою нашей Екатериной Николаевной Чулковой. Это известие меня очень беспокоило и потому более, что я боялся, чтобы оно не дошло до моего отца.

* выскочка (франц.).

ниях? Это я, это изображение моего состояния»¹. Объясните значение слов сих и о каком упоминаете происшествии, которое остановило вас?

5. Для чего советовали вы, в письме своем к Герцену², как можно чаще читать «Вильгельма Телль»?

6. Что значат присовокупленные вами в том же письме слова: «Эта пьеса представляет эпоху кризиса? Ах, что я чувствовал, когда читал ее, ты не можешь себе представить; ты поймешь, когда перечтешь еще раз, особенно же в минуту ожесточения, досады, ненависти.— Но все это мысль разрушения, а мне хочется созидать; из общих начал моей философии истории должен я вывести план ассоциаций?»

7. В письме к нему же, к Герцену, от 3 сентября (№ 45)³ при сем оказываемом, между прочим, вы, говоря о заданных вам Герценом вопросах, пишете: «О цивилизации, идет (вошел) в предположенную мной статью о перехождении в дворянское сословие; подумай на воле, мне кажется, что наша цивилизация не XIX, но XVIII века». — Далее, советуя Герцену прочесть «*Philosophie du droit*»* соч. Лерминье, пишете следующее: «Друг! прочти их, непременно прочти. Я воспламенился от них, *innere Fülle* (внутренняя полнота) так и забушевала, хотелось бы что-нибудь творить, и с досадою и ужасом вижу, что мне 18 лет и что я в деревне. Но вдруг я вспомнил вас, друзья мои, сравнил то, о чем

5. Потому что это, по моему мнению, лучшее творение Шиллера, одного из любимых моих поэтов; в нем видна личность драматического создания, между тем как в прочих [творениях] трагедиях Шиллера видна недоконченность. Может быть, меня подозревают в том, что я сей совет дал потому, что в «Вильгельме Телле» есть заговор и возмущение; подозревают меня в либерализме, но в шиллеровском «Дон-Карлосе» несравненно более либеральных идей, а я нахожу его самую худшую шиллеровую пьесой и никогда не посоветовал бы часто его читать.

6. Действительно, в «Вильгельме Телле» выставлена эпоха кризиса, но такая, где разрушается старое, а не созидается новое. Состояние же ожесточения, вероятно, тогда было произведено каким-нибудь обстоятельством, известием ли о том, что я нахожусь под надзором, или чем другим, не припомню. План же универсальной ассоциации объяснен мною в первом пункте показаний, в прошедший раз мной деланных.

7. Что за статья сия, я не помню и впоследствии не писал. О том, что наша цивилизация XVIII века, а не XIX, я думал потому, что [в Европе XIX столетия] во Франции, которая мне кажется как бы вождем европейской цивилизации, во Франции в XIX веке наибольшая власть в руках среднего сословия, а у нас в руках высшего сословия, как то было во Франции в XVIII столетии; у нас в XIX столетии аристократия еще наследственная, а во Франции аристократия промышленников — денежная. Кажется, эта мысль должна была служить основанием предположенной статье. Не помню [что], о каком [именно] [заклучалось] месте из книги «*Philosophie du droit*» я упомянул в письме. Творить мне хотелось бы на поприще гражданской деятель-

* «Философия права» (франц.).

говорит Лерминье, с нами, и что-то сладостно заговорила в душе будущность, сколько надежд и упований» и проч.

Объясните смысл всего этого письма и в особенности, какую статью вы предполагали написать о перехождении в дворянское сословие и что вы разумеете под словами: «Наша цивилизация не XIX, но XVIII века». Что значат слова: «Хотелось бы творить, но с досадой и ужасом вижу, что мне 18 лет» и проч.?

8. В письме своем к Герцену от 10 июля 1833 г.⁴ между прочим писали вы: «Происшествие в Гебелевом семействе меня ужаснуло. Я целые сутки бесился и все черное мне казалось чернее, чем когда-нибудь. Одного тебя прошу, с первым же письмом напиши, что делает в этом случае Ив. Оболенский? Да ради бога, не доводи себя до дуэли, вспомни, кто ты и для чего?».

Объясните, какая история была в семействе Гебеля, какое брал в оной участие Оболенский, о какой он упоминает дуэли и с кем; и смысл слов: *«вспомни кто ты и для чего»*.

9. В том же письме далее высказали вы: «Но об какой новости ты еще намекаешь, что еще такое? Не оставляй в недоумении, дай испить до дна чашу горести»; и что все ваше блаженство заключается в мгновенной смерти. Дайте на сие объяснение.

10. Для чего имели вы железную цепочку, и кто еще из известных вам лиц носил на себе подобные цепочки?

11. Кому дали вы от себя железную цепочку и с каким намерением?

12. Известно, что вы с некоторыми из ваших знакомых до взятия вас под арест, в вечернее время, собираясь на бульварах и ходя по оным, пели и декламировали пасквильные стихи. Напишите здесь стихи сии, назовите сочинителя их и всех тех лиц, которые пели их вместе с вами, читали и слушали.

ности, но для сего надобна служба и влияние. 18-летнему мальчику это невозможно, и это тогда мне было очень досадно.

8. История между Почекою и Гебелевой дочерью была мной помянута в прежних показаниях. Мне хотелось знать, как о ней думает Ив. Оболенский, который был с Почекою в приятии. Герцен мог бы высказать свои чувства о сем предмете г-ну Почеке, и тот мог бы его вызвать на дуэль. Я через сие напоминаю Герцену, что он человек умный и посему назначен быть полезным для человечества, а не губить себя дуэлью с кем бы то ни было, а наиболее же в истории, которая до него не касается.

9. Кажется, Герцен намекал о том, что я под надзором полиции. Мысль же о смерти мне в продолжение некоторого времени казалась чрезвычайно утешительной.

10. Железную цепочку я, кажется, унес у Оболенского и куда девал, не помню; более ни у кого не видал.

11. Кому дал, не помню, и без всякого намерения решительно. В этом я могу поручиться честным словом, клятвою, если ее потребуют.

12. Никогда я ни с кем не собирался на бульварах и не [пел дурны] декламировал пасквильных стихов. Кто такую ложь на меня показывает, прошу с тем дозволить мне иметь очную ставку.

ПИСЬМО А. К. ЛАХТИНА К ОГАРЕВУ¹

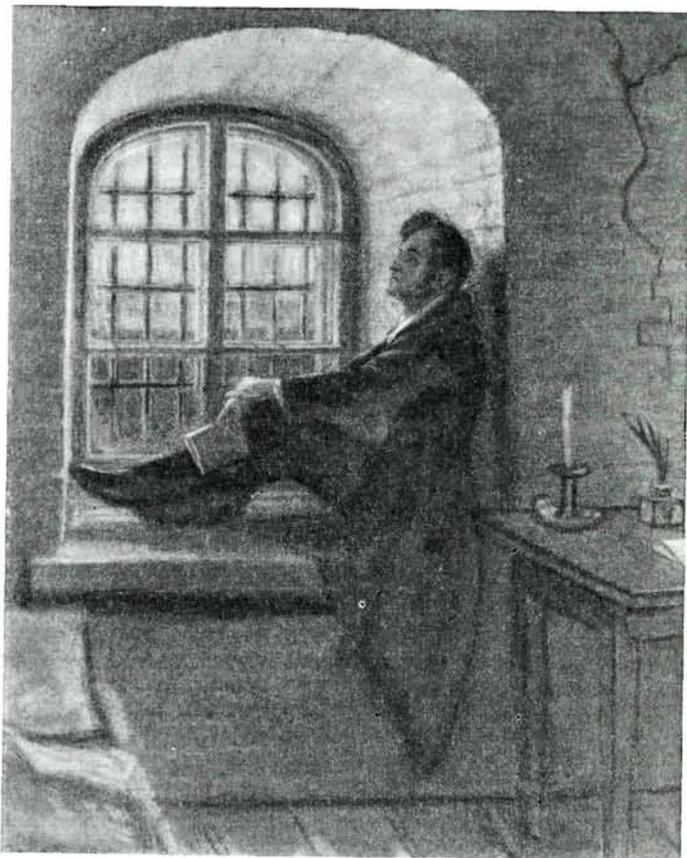
⟨Москва. 28 июня 1833 г.⟩

Это чудо, Огарев, — какая-нибудь нечистая сила околдовала и перо мое и мысли! Ни в голову ничего, ни из головы... Сто раз принимался писать к тебе, врал чушь, и еще преглупую, откладывал и не исправлял до сего дня. Что-то будет нынче. За обещанием у Пассека мы прочли твою приписку к Герцену. Тебе и писать-то некогда — все гости... Воображаю, как ты хорош. — Ты также потерял мой адрес, и это также немудреная вещь. Вместо кресел обещанных, мне доставили после тебя необещанный билет на «Телеграф». — Да это все ничего... но к делу. С какими ты идеями... что твои стихи для оратории, что твой «Потерянный рай»?² Герцен сказал, что ты совсем погрузился в нем. Это мне любо. Ты воображаешь человечество в переходном состоянии, от потери к приобретению. Тут много чувств, много мыслей и много философии. Это можно доказывать самым человеком. Куда постепенно влечет его внутреннее чувство, зачем в самых наслаждениях он ищет чего-нибудь другого, ему неизвестного, едва постигаемого; что это за идея небесного, невидимого отечества, где мы привыкли представлять себе все совершенным? — Это все великие задачи... вырази их в буквах и пусть Гебель выразит в звуках... Ты обещаешь принести славную жертву на алтарь двух великих богинь, — смотри ж, выполни свои собственные требования, не давай дремать уму, страхни с себя всю материальную дрянь и возвратись к нам обновленный и духом и плотью. — Что я буду говорить тебе о самом себе? Человечество во всех видах и формах своих обнимает вполне всю мою душу, она живет им; бьется им. Все великие идеи, постигнутые и выраженные Гердером, Вико, Нибуром, Мишеле, Гизо, радуют, восхищают, но не удовлетворяют требований моих... Историк должен быть и пророком. Он верно, положительно обязан показать мне будущность человечества. Если он из собранных фактов о нем постиг законы, его движущие, то не в праве ли мы требовать от него, чтобы он из тех же законов мог судить о его цели жизни, его движении, его явлениях, его самосущности, его изменениях, его направлении и, наконец, — его пределе. Потому что есть всему предел, за который не перейдешь. Вот одни вопросы, на которых останавливается ум. Но они были бы сносны, если бы не убивала какая-то удивительная бездеятельность ума, хладнокровие к тому, что греет душу. Посмотреть, как эти общие законы человечества действовали и отражались на ветвях его, как оно, будучи политически разделено на виды, от причин местных и потом других причин, не зависящих, не заметных прежде, ускоряло сравнительно ход свой, опережало другие в направлении к мечте своей, действовало там решительнее, здесь слабее, как каждый вид имел свою господствующую идею, для которой он живет и действует, выражал ее в одном месте глубже и явственнее, а в другом темнее. Посмотреть потом, как те же законы человечества выражаются в особенности, индивидуальности его — в человеке, как каждый имеет также свою идею, которую выражает в действии и для которой живет; как тот, который лучше, обстоятельнее постиг и потребность века своего и нужды того века, к которому он принадлежит, увлекает его за собою, действует на него, благотворя ему, а иногда употребляет во зло власть свою. — Определить отношение единицы к целому, всей массы к частям и наоборот — составляет ряд других вопросов исторических, столь же важных, как и первые. Это, так сказать, общий предмет моих мыслей; другой — частный — исторический предмет — Россия. Стихии бытия ее, азиатского и европейского, формы, вид, гражданственность, идеи, направление, ход, развитие, цель. — Отчего* материальное развитие (вншнее) России предшествовало (разительно) ее духовному развитию; отчего не проявились в ней те стихии, которые проявились в других государствах Европы, тогда как самобытность ее утверждалась на основаниях, общих всем новейшим государствам? Отчего завоевательная наша древняя (норманская) система не породила у нас оппо-

* От слов: Отчего материальное развитие... до слова parvenu — подчеркнуто в Следственной комиссии.

зиции, не образовала класса дворянства в смысле европейском (наше собственное нынешнее дворянство есть порождение централизации России, остаток уделизма, выходство, рагвену)???

Теперь: отчего направление нашего века есть направление историческое; отчего после форм сказочной, ораторской, критической, политической, философской, она <история> принимает теперь форму народную, populaire (Тьерри, Канефиг)? Смотрит на массы народа, а не на отдельные лица, на движение ее, ищет в ней одной ко всему

ГЕРЦЕН В КРУТИЦКИХ КАЗАРМАХ

Рисунок О. А. Дмитриева, 1956 г.

Литературный музей, Москва

пружины? Отчего историки принялись за новую разработку хроник, смотрят на них с другой точки, ищут других идей.

Ты своим рассеянием заставил меня выставить все вопросы, о которых мы должны будем говорить в письмах наших; и если б ты не потерял моего адреса, то мы давно б приступили к делу. Только начнешь ли ты что-нибудь со своими гостями и вместо «Потерянного рая» не напиши чего-нибудь в делилевском роде, хоть, например, поэму: «Псовая охота». И тут будут свои красоты и восторги.

Amitié pour * <1 нрзб.>

А. Л а х т и н

Герцен — кандидат и хотел писать к тебе в один день со мною. Пассек собирается в деревню, а Сатин уехал.

* Дружба к.. (франц.).

Куда адресовать следующее письмо к тебе?

Напиши, чтобы прислали мне кресла, и спроси согласие на бильярд и цену. Жена тебе кланяется.

Мой адрес: В переулке, между Старой Басманной улицей и Гороховским полем, в доме Герке.

1833. Июня 28.

Голохв(астов) отказал Пассеку в кафедре по причинам достаточным.

Автограф. ЦГИАМ, ф. III Отд., 1-я экзп., оп. 1, Приложение № 84 к д. № 239, лл. 131—134.

¹ Это письмо было единственным компрометирующим Лахтина документом, изобличившим его связь с делом «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи». Установив из допроса Огарева (24 сентября 1834 г.), что автором письма к нему от 28 июня 1833 г. был А. К. Лахтин, Следственная комиссия дала указание московскому обер-полицеймейстеру Цыцкому немедленно опечатать бумаги Лахтина «как навлекшего<...> подозрения на себя» письмом, «наполненным свободомыслием». Бумаги было приказано доставить в Комиссию для рассмотрения, а самого Лахтина подвергнуть домашнему аресту. 27 сентября Лахтин был препровожден в Комиссию и с него был снят допрос. Арестован он не был, но был взят под гласный надзор полиции.

После окончания следствия Лахтин был сослан в Саратов под надзор местного начальства. Срок ссылки не был обозначен. Бессмысленная жестокость приговора (был объявлен 31 марта 1835 г.) надломил Лахтина. Оторванный от семьи и друзей, он через три года умер в Саратове.

² В письме к Герцену от 7 июня 1833 г. Огарев сообщал, что «начал писать ораторию для Гебеля — „Потерянный рай“» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 714). 10 июля 1833 г. он уже писал Герцену, что «первая часть оратории кончена, 2-я начата». В бумагах, взятых при аресте Огарева, имеется его рукопись на немецком языке, занимающая четыре листа большого формата. Рукопись озаглавлена «Die Weltgeister*». Она состоит из двух частей прозы и отдельных стихотворных набросков. Содержание ее дает основание предполагать, что это и есть начало задуманной оратории, которую Огарев не довел до конца.

³ На допросе в Следственной комиссии в ответ на требование объяснить смысл письма от слов: «Отчего материальное развитие...» до слов: «...ищет в ней одной ко всему дружины», — Лахтин так же, как и Огарев, затушевал его истинный смысл. Приводим это место из показания Лахтина:

«В сем письме я хотел обратить его внимание на ту сторону, с которой еще не смотрели на историю России. Я хотел сказать, что для положительного точного изучения российской истории мало одного изучения летописей; что надо рассмотреть и различить настоящий быт нашего общества; что можно идти другим путем к изучению отечественной истории.

В предложенных в письме к Огареву вопросах я хотел представить ему те точки, которые отличают нашу историю от всеобщей. Говоря о том, что в России материальное развитие предшествовало духовному ее развитию, обращаю внимание на иго моголов и от сего развитие внешних сил России. Говорю, что у нас не было борьбы между классами народа, но утвердилось на прочных основаниях благое самодержавие.

Говорю, что наше дворянство не принадлежало, как в других государствах, ко классу завоевательному, не составляло товарищества с предводителем, с королем, но произошло от удельных, подвластных князей. Говоря о том, что история принимает форму народную, я обращаю его внимание на новейших историков» (ЦГИАМ, ф. № 91, оп. 1, ед. хр. 85, лл. 318, 320).

* «Мировые духи» (нем.).